

"Киевлянам" г. Киев.
1903 г. 26 октября

БЕСЬДА.

Киев. W 96. 1903.

Четырехдневное дѣло о кражѣ воды въ баняхъ Познякава сыграло на мишувшей недѣль роль одного изъ тѣхъ causes célèbres, которые привлекаютъ вниманіе общества и заставляютъ о себѣ много говорить. Дѣло это стало громкимъ не само по себѣ, а по личности главного изъ обвиняемыхъ. Г. Позняковъ пользуется въ Киевѣ широкой извѣстностью. Онъ человекъ богатый, предпріимчивый, не чуждый и общественной дѣятельности, такъ какъ былъ гласнымъ городской думы. Едва-ли пла рѣчь о какомъ-нибудь маленькомъ, никому неизвѣстномъ содержателѣ банъ, ничто бы на это дѣло не обратилъ вниманія, да и само дѣло, пожалуй, не возникло бы. Можно сказать, что личность заподозрѣннаго о главнѣйшмъ образомъ и привлекло вниманіе Омиды, а пошутно и вниманіе общества.

Въ результатъ, можно сказать, дѣло кончилось ничѣмъ. Представитель обвинения воспользовался всѣмъ понашимся подъ руку матеріаломъ, чтобы произнести сильную обвинительную рѣчь, въ которой подлимыми, а въ особенности г. Познякову, какъ говорится, досталось на орѣхи. Г. Гольденвейзеръ въ свою очередь произнесъ очень искусство и ловко составленную защитительную рѣчь, въ которой служилъ громкую систематическую вражду известна отъ дѣльных манипуляцій съ водомѣрами, предѣломъ нерадивыхъ слугицелей, съ которыми у г. Познякава не было не только сговора, но и никакихъ точекъ соприкосновенія. Присяжные заседатели все это выслушали и всѣхъ отпустили съ миромъ.

Но если дѣло о кражѣ воды въ баняхъ Познякава не дало особенной характерности случаевъ causes célèbres, а любителей уголовщины pur sang даже разочаровало, за то оно развернуло передъ зрителями такую богатую гамму бытовыхъ подробностей, что уже изъ-за одного этого можно сказать, что это дѣло все таки не даромъ всплыло на свѣтъ. Изъ-за прозрачнаго занавѣса уголовныхъ хитроумствъ выглянула знакомая картина избирательной борьбы, партийной вражды, подкоховъ и подможекъ, разгара страстей, ничѣмъ не брезгающихъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся, лишь бы насолить врагу, лишь бы надѣлать ему побольше всевозможныхъ пакостей. Исторія сводится къ разсказу о томъ, какъ г. Позняковъ устроилъ пакость г. Сибѣжко, а г. Сибѣжко устроилъ пакость г. Познякову.

Съ одной стороны г. Позняковъ, обвиняющій г. Сибѣжко въ 27 преступленіяхъ, съ другой — г. Сибѣжко, обвиняющій г. Познякава въ одномъ преступленіи, по стоящему 27 позняковскихъ обвиненій. Въ этой борьбѣ они оба проиграли, такъ какъ оба не попали въ гласные, и оба порядкомъ выгулались въ тѣхъ помояхъ, которыми усердно обливали другъ друга. Г. Сибѣжко, какъ говорится, даже переусердствовалъ, такъ какъ его роль на судѣ, его откровенная причинная исповѣдь, его фигура, дышавшая злорадствомъ торжествомъ челоука, подставившаго ножку своему врагу, все это скорѣй могло оказать и на судей, и на присяжныхъ дѣйствие, обратное тому, какого добивался г. Сибѣжко, и сыграть роль защитительной рѣчи въ подмогу той, которую сказалъ г. Гольденвейзеръ. Личные счеты, легшіе въ основу обвинительнаго негодованія г. Сибѣжко, напоминаютъ не торжество правосудія, а тѣ перекоры и пе-

ребранки, которые можно услышать на базарахъ въ расказахъ подравшихся торговцевъ. — Она мена коромысло, а я ее въ морду, а я ее въ морду!..

А теперь о другомъ.

Если читатель желаетъ узнать какъ устраиваются иногда торжественные «праздники интеллигенціи» и какъ пишется «исторія» отъ лица ученаго историческаго общества, то пусть прочтеть нижеслѣдующее. Тема только кажется скучной, но самъ Джеромъ-Джеромъ не разработалъ-бы ее лучше.

Вы, конечно, знаете, что въ концѣ августа текущего года въ Полтавѣ былъ открытъ памятникъ П. П. Котляревскому, автору Энеиды, «передвижной» на малороссійскій языкъ. Но вы, можетъ быть, не знаете, что это было не просто открытіе, а «праздникъ украинской интеллигенціи». Такъ называють въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» открытіе памятника Котляревскому «украинскій интеллигентъ» г. Сергій Ефремовъ, очевидно, не успѣвшій еще «передвижиться» въ Ефременка. Описанію «праздника» г. Ефремовъ предпосылаетъ торжественное ступленіе, гласящее такъ:

«При настоящемъ положеніи украинскаго слова и литературы въ Россіи, фактъ открытія памятника украинскому писателю имѣетъ не одно только литературное значеніе, какъ праздникъ литературы. Значеніе его разрастается до размѣровъ историческаго событія. Это историческое событіе г. Ефремовъ считалъ необходимымъ прежде всего ознаменовывать бранью не въ переносномъ, а въ самомъ прямомъ смыслѣ. «Всепозможнымъ литературнымъ хулиганомъ, пишеть онъ, не находящимъ лучшаго примѣненія для печатнаго слова, какъ сбить паменную и национальную рознь, вызывая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о недостаткѣ

бичей и скорпіоновъ и выставляя украинское національное движеніе единственно результатомъ дѣятельности незначительной кучки недалновидныхъ людей, этимъ ничего не стѣсняющимся господамъ, можетъ быть, хоть разъ въ жизни прилипнетъ разный языкъ къ гортани и не привышая деремониться рука дрогнетъ и не посмѣетъ написать своихъ часто гнусныхъ и клеветническихъ выдумокъ. Но оставимъ ихъ въ покоѣ, этотъ праздникъ, конечно, главнымъ образомъ не для нихъ, а для украинской интеллигенціи, которая на этотъ разъ очевидно и явнымъ способомъ обнаружила свое существованіе, свою любовь къ родинѣ и родному слову, свою культурную и гражданскую зрѣлость, выразившуюся въ достойномъ чествованіи одного изъ столповъ свое литературы»...

Выругавшись властью, вѣроятно, для того, чтобы доказать свою «культурную» зрѣлость, г. Сергій Ефремовъ далѣе описываетъ самый «праздникъ украинской интеллигенціи», но изъ этого описанія дѣйствительно видно, какимъ образомъ украинская интеллигенція обнаружила свою «культурную и гражданскую зрѣлость». Эта культурная и гражданская зрѣлость обнаружилась въ торжественномъ засѣданіи полтавской городской думы, состоявшемся вечеромъ 30 августа въ Гоголевскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей. Началось, какъ водится, рѣчами, изъ которыхъ г. Ефремовъ съ особенной любовью отмѣчаетъ «оригинальную» рѣчь г-жи Ефименко, которая заявила: «Каждый съ перваго взгляда страннымъ фактъ жизненности произведеній писателя, не отмѣченнаго печатью гениальности, а таимъ, по мнѣнію лекторши, несомнѣнно, былъ Котляревскій, оставившаго, кромѣ того, весьма скромное въ количественномъ

отношеніи литературное наслѣдіе, объясняется тѣмъ великимъ гражданскимъ подвигомъ, который совершилъ Котляревскій».

Рѣчью г-жи Ефименко закончилась «научная» часть торжества, послѣ чего слѣдовали привѣтствія отъ разныхъ лицъ и учреждений. Первыми говорили и читали привѣтствія депутаты, прибывшіе изъ Галиціи. «Всѣ эти привѣтствія, говоритъ г. Ефремовъ, произнесенныя на украинскомъ языкѣ, были восторженно встрѣчены публикой». Затѣмъ началось чтеніе адресовъ и привѣтствій, между прочимъ, и на украинскомъ языкѣ (отъ галичанъ и г. Коцюбинскаго), и въ каждомъ Котляревскому ставилось въ заслугу именно то самое, что сейчасъ г. Ефремова, была утомлена. Послѣ этого послѣдовала самая «восторженная» часть торжества, которую г. Ефремовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«По выслушаніи послѣдняго изъ приведенныхъ нами привѣтствій, на каедрѣ появился делегатъ черниговскаго музыкально-драматическаго кружка, извѣстный (кому?) украинскій писатель г. Коцюбинскій и прочель привѣтствіе отъ кружка, составленное на украинскомъ языкѣ. Громъ рукоплесканій отъ публики, утомленной было продолжительнымъ слушаніемъ предыдущихъ адресовъ и опять воспринявшею при звукахъ родного слова, былъ наградой за теплое привѣтствіе. Но, къ сожалѣнію, далѣе произомель инцидентъ, которому трудно подыскать соответственное названіе, кромѣ самаго грубаго надругательства надъ памятью чествуемаго поэта и насилія надъ чувствами собравшихся чествовать его память. Послѣ г. Коцюбинскаго взошла на кафедру представительница черниговскаго драматическаго общества г-жа Андриевская и начала

читать свой, также по-украински составленный, адресъ. Но лишь только она успѣла произнести нѣсколько словъ, какъ вдругъ раздались рѣзкій звонокъ председательствующаго собранія и голосъ г. городского головы остановить г-жу Андриевскую заявленіемъ, что онъ, городской голова, не можетъ разрѣшить чтеніе привѣтствій по-малорусски. Такое заявленіе г. городского головы, тѣмъ болѣе неожиданное, что оно послѣдовало уже послѣ того, какъ былъ выслушанъ цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій, между прочимъ, и на украинскомъ языкѣ (отъ галичанъ и г. Коцюбинскаго), и въ каждомъ Котляревскому ставилось въ заслугу именно то самое, что сейчасъ г. Ефремова, была утомлена. Послѣ этого послѣдовала самая «восторженная» часть торжества, которую г. Ефремовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«По выслушаніи послѣдняго изъ приведенныхъ нами привѣтствій, на каедрѣ появился делегатъ черниговскаго музыкально-драматическаго кружка, извѣстный (кому?) украинскій писатель г. Коцюбинскій и прочель привѣтствіе отъ кружка, составленное на украинскомъ языкѣ. Громъ рукоплесканій отъ публики, утомленной было продолжительнымъ слушаніемъ предыдущихъ адресовъ и опять воспринявшею при звукахъ родного слова, былъ наградой за теплое привѣтствіе. Но, къ сожалѣнію, далѣе произомель инцидентъ, которому трудно подыскать соответственное названіе, кромѣ самаго грубаго надругательства надъ памятью чествуемаго поэта и насилія надъ чувствами собравшихся чествовать его память. Послѣ г. Коцюбинскаго взошла на кафедру представительница черниговскаго драматическаго общества г-жа Андриевская и начала

читать свой, также по-украински составленный, адресъ. Но лишь только она успѣла произнести нѣсколько словъ, какъ вдругъ раздались рѣзкій звонокъ председательствующаго собранія и голосъ г. городского головы остановить г-жу Андриевскую заявленіемъ, что онъ, городской голова, не можетъ разрѣшить чтеніе привѣтствій по-малорусски. Такое заявленіе г. городского головы, тѣмъ болѣе неожиданное, что оно послѣдовало уже послѣ того, какъ былъ выслушанъ цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій, между прочимъ, и на украинскомъ языкѣ (отъ галичанъ и г. Коцюбинскаго), и въ каждомъ Котляревскому ставилось въ заслугу именно то самое, что сейчасъ г. Ефремова, была утомлена. Послѣ этого послѣдовала самая «восторженная» часть торжества, которую г. Ефремовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

говорить на своемъ родномъ языкѣ, онъ Михновскій, просить о случившемся занести въ протоколъ засѣданія и выписку изъ него выдать ему для обжалованія этого незаконнаго воспрещенія въ Сенатъ. Усмотрѣвъ затѣмъ въ поступкѣ г. городского головы нежеланіе принимать украинскіе адресы г. Михновскій оставляетъ свой адресъ у себя и, передавъ одну лишь пустую папку, при аплодисментахъ публики, удаляется изъ зала. Требованіе о занесеніи случившагося въ протоколъ было поддержано и черниговскимъ присяжнымъ повѣреннымъ г. Шрагомъ. Когда г. городской голова обратился къ публикѣ съ угрозою закрыть засѣданіе, то возмущенная просвѣдшимъ публика окончательно начала оставлять залъ. Ностѣ заявленій г. Михновскаго и Шрага поочередно подходили делегаты съ украинскими адресами и, вручая ихъ по принадлежности, каждый повторялъ заявленіе о своемъ протестѣ противъ происшедшаго на сценѣ. Сотрудникъ и представитель «Орловскаго Вѣстника» г. Чеботаревъ (тоже «украинскій интеллигентъ?»), делегатъ Одесскаго литературно-артистическаго общества г. Иваненко и еще около десяти представителей различныхъ обществъ присоединяются къ протесту украинскіхъ товарищей, заявивъ, что въ виду происшедшаго прискороннаго инцидента они не находятъ возможнымъ читать свои привѣтствія, хотя послѣдніе написаны на русскомъ и потому восприняты ихъ не касаются... Не оставалось ничего другого, какъ закрыть засѣданіе, что и было сдѣлано. Впрочемъ, это была лишь пустая формальность, такъ какъ залъ давно уже представлялъ собою подобіе пустой аравіи, среди которой, подобно авианамѣ, видѣлись лишь тѣмъ и самъ одинокомъ, растеряннымъ люди: публика оставила залъ еще раньше, при первой попыт-

г. председательствовавшего въ собраніи городского головы наложить узду на то слово, которое употребляетъ въ своихъ произведеніяхъ чествуемый писатель...»

Такимъ оказывается «праздникъ украинской интеллигенціи» въ описаніи г. Ефремова. Можно сказать: вотъ такъ праздники! На обыкновенномъ языкѣ это какъ ни верти; называется скандаломъ, совсѣмъ даже не интеллигентнымъ, а у украинскіхъ интеллигентовъ это выходитъ праздникъ.

Къ сказанному описанію «праздника» г. Ефремовъ дѣлаетъ такого рода примѣчаніе: «Странное, чтобы не сказать болѣе, отраженіе описанный инцидентъ нашелъ въ передачѣ нѣкоторыхъ газетъ («Приднѣпровскій Край» и «Брымъ»), представители которыхъ въ Духовецкій и Балабуха лично были на празднествѣ. Разказы этихъ господъ, слышанныхъ «спонсумъ хаоса», свистки, стоны, крики, топанье и т. п. видѣвшихъ, какъ Михновскій, разрывавъ своей адресъ, а остальные украинскіе делегаты отдавали лишь пустые папки, представляють наивную или злостную выдумку, ничего общаго съ правдою не имѣющую и изображающую все событіе въ совершенно искаженномъ видѣ». Оставляю это «опроверженіе» на ответственности г. Ефремова, хотя не могу понять, почему г. Духовецкій и Балабуха непременно должны были выдумывать, и почему «украинскіе интеллигенты» не могли свистать, стонать, кричать и топтать ногами, разъ ужъ они пошли на скандалъ, хотя, навѣрное, отлично знали о распоряженіи читать привѣтствія на русскомъ языкѣ.

Вы думаете, г. Ефремовъ смущенъ или опечаленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «праздникъ украинской интеллигенціи» превратился въ мало интеллигентный скандалъ? Ничуть не бывало. Онъ радуется и ликуетъ, г. председательствовавшего въ собраніи городского головы наложить узду на то слово, которое употребляетъ въ своихъ произведеніяхъ чествуемый писатель...»

Опъ говоритъ: «Сумяруя всѣ впечатлѣнія этого праздника, который мы назвали праздникомъ украинской интеллигенціи, нельзя не отмѣтить на первомъ планѣ того всеобщаго подъема и напряженія духовныхъ силъ, которые онъ вызвалъ среди украинскаго общества, посланнаго на это время своихъ представителей въ Полтаву. Этотъ подъемъ, это напряженіе сказывались во всемъ, и хотя, быть можетъ, въ мелочахъ и были какіе-нибудь, говоря вообще, недочеты, то во всякомъ случаѣ передъ нашими глазами прошелъ актъ величайшей для украинскаго общества важности, историческаго значенія. Если подобныя праздники имѣютъ громадное значеніе для всякаго вообще общества, то для украинскаго, въ виду того особеннаго положенія, которое занимаетъ оно, этотъ актъ приобретаетъ прямо таки колоссальное значеніе. Въ первый разъ украинская интеллигенція заявила о своемъ существованіи, и при томъ, такимъ энергичнымъ способомъ, что для самаго общества Нестора-Дѣтописца. Привѣтствіе отъ общества г. Василенко. Оно было прочтано г. Василенкомъ въ собраніи 30 августа, но такъ какъ оказалось въ числѣ русскихъ привѣтствій, утолпивъ у подножія памятника своему первому изъ интеллигентовъ представителей всѣхъ возможныхъ направлений, литературныхъ и общественныхъ и этой солидарностью доказала, что она представляетъ солидную общественную силу, съ которой необходимо серьезно считаться... Въ первый разъ, какъ бытъ, въ открыто проявилось братское участіе къ нашимъ дѣламъ нашихъ братьевъ изъ Австрийскаго Украиня и это отблескомъ черта, сообщается еще большую ибну. И нуждѣнн той великой истинѣ, что духъ парона можетъ найти полное для себя выраженіе единственно въ живой народной рѣчи».

Итакъ, привѣтствіе было прочтано. Делегаты вернулись въ Киевъ и, можетъ быть, получили даже благодарность отъ общества Дѣтописца Нестора за успѣшно исполненную миссію. Но представьте себѣ изумленіе почтенныхъ членовъ общества Нестора-Дѣтописца, когда они прочли напечатанное въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» привѣтствіе, прочитанное г. Василенкомъ отъ имени общества Нестора-Дѣтописца, и увидѣли, что это совсѣмъ не то привѣтствіе, которое они тщательно обсудили, написали и вручили г. Василенку для прочтенія въ Полтавѣ и что съ привѣтствіемъ общества привѣтствіе г. Василенко не имѣетъ ни малѣйшаго сходства! Такой «пассажъ»; конечно, вызвалъ волненіе въ ученомъ обществѣ, и какъ водится въ такихъ случаяхъ, назначено было чрезвычайное засѣданіе совѣта общества для обсужденія «инцидента».

Дѣло объяснилось очень просто. Г. Василенко, привезъ въ Полтаву привѣтствіе отъ общества Нестора-Дѣтописца, увидѣвъ, что оно не подходитъ къ настроенію «праздника украинской интеллигенціи». Тогда онъ спряталъ его въ карманъ и написалъ свое собственное привѣтствіе, которое и прочиталъ отъ имени историческаго общества Нестора-Дѣтописца, состоящаго при университетѣ св. Владиміра». Разумѣется, такое «вольное» обращеніе делегата общества Нестора-Дѣтописца съ врученнымъ ему привѣтствіемъ, можно сказать, является безпримѣрнымъ событіемъ въ дѣтописцахъ ученого общества. Но то, что произошло потомъ, можно назвать еще болѣе безпримѣрнымъ. Явился вопросъ: какъ поступить въ данномъ случаѣ? И вотъ, среди членовъ общества возникло разногласіе. Одни считали необходимымъ передать дѣло забвенію и признать подложное привѣтствіе, сочиненное

Неизвѣстный.